Г. ЧЕЛПАНОВ.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ИЛИ

„УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ?“

„Так как Фейербах рассматривает людей не в их данной общественной связи.... то... он... остается при а б с т р а к ц и и человека“. „Только в о б щ е с т в е человек обнаруживает свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдельных личностях, но на ц е л о м о б щ е с т в е“.

КАРЛ МАРКС.

„Так как индивидуальная психология имеет своим предметом связь душевных процессов в единичном сознании, то она пользуется а б с т р а к ц и е й... Область психологических исследований, относящихся к тем процессам, которые связаны с психическими общениями, мы назовем к о л л е к т и в н о й психологией (Völkerpsychologie)... Индивидуальная психология только взятая вместе с коллективной образует ц е л о е психологии“.

ВУНДТ. (Logik. 3. B. стр. 225—7).

ИЗДАНИЕ АВТОРА

МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО В ТВЕРСКОЙ ГОСТИПОГРАФИИ
ИМ. КАРЛА МАРКСА
ГЛАВЛИТ № 59620 ТИРАЖ 3000 ЭКЗ.

ГЛАВА I.

Необходимость организации исследований по социальной психологии.

Что в настоящее время психология у нас находится в упадочном состоянии, в этом едва ли кто-нибудь станет сомневаться. Этот упадок является результатом того глубокого кризиса, который пережила и продолжает переживать русская психология.

В настоящее время у нас можно насчитать пять различных, враждующих друг с другом, направлений в психологии:

1) Интроспективная психология.

2) Рефлексология В. М. Бехтерева.

3) Учение об „условных рефлексах" или „учение о высшей нервной деятельности", которое, по мнению последователей И. П. Павлова, должно заменить собою психологию.

4) Учение Корнилова „реактология".

5) Учение Франкфурта „рефлексология вообще". [1])

Правда, кажется, что кризис как бы изживается. По крайней мере, в основном вопросе о замене психологии рефлексологией замечается огромный сдвиг.

Не говоря уже о том, что между самими рефлексологами оказались очень серьезные разногласия, [2]) некоторые из тех психологов, которые раньше являлись сторонниками рефлексологии, в настоящее время уже отказываются от нее. Так, Корнилов отказался от рефлексологии. [3]) Блонский

---

[1]) „Красная Новь" 1925, кн. 4-я, стр. 173.

[2]) См. Бехтерев. Психология, рефлексология и марксизм. 1925.

[3]) Корнилов. Современная психология и марксизм.

свою защиту рефлексологии теперь называет „продуктом очень незрелого творчества“ [1]) Франкфурт тоже отказался от об'ективной рефлексологии, признав суб'ективную (!) рефлексологию, т. е. психологию. [2])

Таким образом, кризис, повидимому, изживается, но далеко еще не изжит. Он должен быть изжит, в возможно скором времени, в виду огромных задач, которые будут поставлены научной психологии в ближайшем будущем.

Для меня нет никакого сомнения в том, что психологии в будущем принадлежит первенствующее место среди других наук. Если XVIII-ый век был веком „просвещения“, если XIX-ый век был веком „естествознания“, то XX-ый век будет веком „психологии“.

Огромные социальные проблемы, выдвигаемые жизнью, потребуют изучения социальной психологии. Научная мысль будет направлена на изучение не природы, а человека. Не природа, а человек и его социальная структура будет главным предметом научного интереса.

В виду этого и русская наука должна достойным образом подготовиться к участию в работе общемировой науки. Для этого указанный кризис должен быть изжит в самом скорейшем времени. Кризис не может быть изжит до тех пор, пока не будет решен вопрос, какой должна быть психология при новой идеологии.

На основании моих предшествующих сочинений [3]) вопрос о месте психологии в системе Маркса получает решение, которое я могу формулировать в следующих трех тезисах.

1) Современная научная психология остается без изменений и по методу и по содержанию.

2) На основе научной психологии заново строится специально-марксистская психология, именно социальная психология по марксистскому методу.

3) Заново строится прикладная психология, представляющая приложение научной психологии к марксистской социологии.

---

[1]) Блонский. Предисловие к соч. Джэмсона. Очерки психол., стр. X.

[2]) „Красная Новь“, там-же.

[3]) „Психология и марксизм“ 1924 и „Психология или рефлексология?“ 1926.

Многие ошибочно думают, что идеология марксизма требует устранения психологии. Эта ошибка тем более фатальна, что психология в учении Маркса занимает очень видное место. После экономики и истории первое место в нем принадлежит бесспорно психологии.

Низведение психологии на степень науки, не имеющей никакого значения, произошло от того, что лица, которые взялись ввести марксизм в психологию (Корнилов, Блонский, Залкинд, Франкфурт и др.), совершенно неправильно поняли место, занимаемое психологией в идеологии марксизма. Для них введение марксизма в психологию означало введение физиологических методов изучения душевных явлений (рефлексологии, учения об условных рефлексах, эндокринологии, учения о конституциях и т. п.). Эта ошибка получилась вследствие совершенного игнорирования не только идеологии марксизма, но и истории психологии.

Физиологические методы изучения душевных явлений были введены в психологию материалистами-психологами эпохи Великой Французской революции (Кабанисом, Дестют де Траси, Пинелем, Биша и др.) и после этого получили распространение во всей мировой науке. Современная научная психология—ученица названных психологов и потому она имеет всецело физиологический характер.

Когда наши психологи решили сделать физиологической современную научную психологию, которая уже была всецело физиологической, то могли это сделать только путем совершенного извращения ее. Они так и поступили. Именно, они взяли ту психологию, которая была до Французской революции и то, повидимому, в популярных кругах. Рефлексология, которая и поныне у нас многими считается призванной заменить психологию, есть психология первой половины XVIII-го века. Недаром Энгельс относился отрицательно именно к этой рефлексологии! [1])

Совершенно очевидно, что не следовало через сто лет повторять то, что так превосходно было сделано психологами физиологического направления эпохи Французской революции.

---

[1]) См. „Психология и марксизм". № 20.

Физиологическая психология есть „свое слово“ французской революции. Свое слово нашей эпохи, очевидно, должно состоять в чем-то другом.

При идеологии марксизма в психологию следовало вводить не физиологический материализм, а социальный. Это должно было бы привести к признанию необходимости организовать в широком масштабе научную работу по социальной психологии.

Существенным для идеологии марксизма является признание, что истинная природа человека познается в общественной жизни [1]). Для Маркса человек, рассматриваемый индивидуально, есть абстракция [2]). Реальный человек есть социальное существо. Человеческое существо есть совокупность общественных отношений. Для Маркса индивидуальные физические причины поведения человека никакого интереса не представляют и потому нужно считать очень грубой ошибкой, когда изучение индивидуальных причин человеческого поведения в настоящее время считается марксисткой психологией в собственном смысле. Учение об условных рефлексах, учение о внутренних секрециях, фрейдовское учение о сексуальных ощущениях, как выясняющие индивидуальные причины человеческого поведения, никакого отношения к марксизму не имеют. Это есть дело прежней индивидуальной психологии.

Я ни в малейшей степени не отрицаю важного научного значения учения об условных рефлексах, эндокринологии и пр. для психологии, но утверждаю, что они совершенно не нужны для специально марксистской психологии, которая является социальной психологией и которая идет не на смену прежней индивидуальной психологии, а должна работать на ряду с нею.

Поэтому реформа психологии должна была бы состоять в организации изучения социальной психологии.

---

[1]) Маркс. „Материализм XVIII-го века“ в приложении к книге Энгельс'а Л. Фейербах, стр. 71.

[2]) Архив Маркса Энгельса. Кн. 1-я. Ст. о Фейербахе, стр. 218 и 209.

Только этот вид психологии может являться характерным для марксистской идеологии.

Социальная или коллективная психология в мировой науке уже выделилась в отдельную научную дисциплину с совершенно особенным содержанием; определились уже и методы ее.

Идея коллективной психологии родилась в тот момент, когда было понято, что природа человека в совершенстве может быть изучена только в социальной жизни.

Фейербах находил в 1841 г., что сущность человека заключается только в общественной жизни; только в жизни с другими и для других он достигает своего назначения [1]).

Маркс в 1844 г. говорил: „Если природа предназначила человека к общественной жизни, то стало быть только в обществе обнаруживает он свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдельных личностях, но на целом обществе“ [2]).

Идею коллективной психологии под именем Völkerpsychologie в Германии не только выдвинули, но и начали ее разработку Лацарус и Штейнталь [3]).

В Англии коллективную психологию начали разрабатывать Тейлор [4]) и Спенсер [5]), во Франции—Фулье [6]), Тард [7]), Дюркгейм [8]), Леви-Брюль [9]) и др., в Аме-

---

[1]) Feuerbach.—Das Wesen des Christenthums.

[2]) Выше цит. ст. О материализме XVIII века, стр.

[3]) Lazarus und Steinthal.—Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. I. 1860.

[4]) E. B. Taylor.—Researches into the Early History of Mankind 1865 и Primitive Culture. 1871.

[5]) Herbert Spencer.—Principles of Sociology 1876—96.

[6]) Fouillée. La Science Sociale Contemporaine. 1885.

[7]) Tarde.—Les lois de l'imitation. 1895 и др. соч.

[8]) Durkheim.—Les formes élémentaires de la vie religieuse 1913.

[9]) Levy Bruhl.—Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. 1910.

Levi Bruhl. La mentalité primitive. 1922.

рике—Болдуин [1]), Даугол [2]), Дуи [3]) и очень многие другие.

В особенности заслуживает внимания колоссальная работа в области коллективной психологии, совершенная Вундтом [4]).

Он подразделяет психологию на индивидуальную и коллективную, которую он называет Völkerpsychologie. „Так как индивидуальная психология имеет своим предметом связь душевных процессов в единичном сознании, то она пользуется абстракцией... Область психологических исследований, относящихся к тем процессам, которые связаны с психическими общениями, мы назовем коллективной психологией (Völkerpsychologie)... Индивидуальная психология только взятая вместе с коллективной образует целое психологии“ [5]), т. е. душевная жизнь человека может быть вполне понята только в том случае, если будет рассмотрена и ее социальная сторона.

Из этого можно видеть, до какой степени ложно информировал русских читателей проф. Корнилов, когда он сообщал [6]), что то направление психологии, к которому принадлежит Вундт, грешит тем, что рассматривает человека абстрактно и совершенно игнорирует социальную сторону душевной жизни человека. Очевидно, для Корнилова 10 огромных томов коллективной психологии, написанных Вундтом, совершенно недостаточно для того, чтобы признать, что психология Вундта считала необходимым дополнить экспериментально-психологическое изучение человека, имеющее индивидуальный характер, изучением коллективной психологии.

В России необходимость организации научной работы по коллективной психологии в широком масштабе оправдывается еще одним очень важным соображением.

В России накоплен богатейший этнографический

---

[1]) Baldwin.—Social and Ethical interpretations in mental Development. 1906.

[2]) Mac Dougall.—The Group Mind. 1921.

[3]) Dewey.—Human Nature and Conduct. 1922.

[4]) Wundt.—Völkerpsychologie. 10 томов.

[5]) Wund. Logik. 3. B., стр. 225—7.

[6]) Корнилов. Современная психология и марксизм. 2-е изд. 1925, стр. 80.

материал (Труды Академии Наук, Географического Общества, Общества любит, естествознания и пр.), который вследствие незнакомства западных ученых с русским языком, не использован для целей коллективной психологии. Герберт Спенсер выражал сожаление, что незнание русского языка мешает ему использовать материалы русской этнографии для целей социальной психологии. В 1911 году Вундт, зная размеры неиспользованного материала, выражал такое же сожаление.

Долг русской науки—принять меры к тому, чтобы утилизировать этот материал. Это можно сделать только организацией специального Института социальной психологии. В этом институте социальная психология не должна играть подчиненной роли у физиологической и экспериментальной психологий, как это принято в настоящее время, и не должна приспособляться к этим последним, но она должна играть руководящую роль, как представляющая наиболее сложный вид психологии.

Если правильно координировать работу социальной и экспериментальной психологии, то сделается ясным, какие проблемы должна ставить себе современная экспериментальная психология. Окажется, что это, во всяком случае, не будут проблемы условных рефлексов и т. п.

В социальных взаимоотношениях человека возникают такие сложные психические процессы, которые никакими рефлексами выражены быть не могут. Пусть, напр., рефлексолог попробует выразить в терминах рефлексологии или вообще физиологии марксовское положение: „Человеческое существо есть совокупность общественных отношений“, тогда он увидит, что применение, напр., понятия „раздражения“ к сознательно-психическим отношениям, как это делают наши социологи, [1]) приспособляясь к языку рефлексологии, совершенно недопустимо. Понятие „раздражения“ может применяться только к самым простейшим ощущениям. В социальных отношениях на сознание действуют не раздражения, а вещи и сложные события, которые никак „раздражениями“ названы быть не могут. Если в нос попадает пыль и человек чихает, то пыль можно назвать раздражением. Если

[1]) Термин „социальное раздражение“ у нас ввел проф. М. А. Рейсснер.

рабочий, прослушав в многолюдной аудитории при общем одобрении речь оратора, реагирует на нее определенным образом, то едва ли сложное воздействие речи оратора при известной обстановке на сознание рабочего можно поставить на ряду с действием пыли на слизистую оболочку носа.

Из этого ясно, что фундаментом для социальной психологии должна быть не рефлексология, а психология.

При попытке построить социальную психологию можно будет убедиться, что психология поведения не является характерной для марксистской социальной психологии, как это думает П. П. Блонский [1]).

В самом деле, пусть Блонский при его понимании поведения, как об'ективного рефлекса, попробует об'яснить генезис „идеологических форм", напр., религии, правовых идей и т. п. „Идеологические формы" никоим образом не могут считаться поведением, а это суть „идеи" в собственном смысле слова, идеи, которые не могут быть выражены при помощи каких-либо условных рефлексов. Вот причина, почему Джемсон, которого рекомендует сам Блонский, на ряду с „поведением" признает и „мысли" [2]). Всякий должен согласиться, что понятие поведения подходит к марксистской идеологии только частично, именно, к тем вопросам, в которых речь идет действительно о поведении, но не подходит к тем случаям, когда речь идет об „идеях" (в историческом материализме).

Итак, нужно признать, что реформа психологии должна заключаться только лишь в организации изучения социальной психологии.

Символом реформы психологии при новой идеологии должно являться не устройство собачников для изучения условных рефлексов, как это делается в современных психологических учреждениях, а организация работ по изучению социальной психологии.

---

[1]) См. предисловие к книжке Джемсона. Очерк психологии.

[2]) Ук. соч., стр. 2, 15, 16.

ГЛАВА II.

Психология в эпоху Великой Французской революции.

Для того, чтобы ответить на вопрос, какой должна быть современная психология, мы станем на историческую точку зрения и рассмотрим, каким изменениям подвергалась психология в последние два столетия. Тогда мы будем в состоянии предугадать, по какому пути она должна пойти в ближайшем будущем.

Для этого нам необходимо будет выяснить, чем современная научная мысль обязана материализму XVIII-го века. Обыкновенно на роль материализма смотрят неправильно. Многим представляется, что в начале XIX-го века материализм под влиянием идеализма исчез окончательно. Это неверно. Материализм XVIII-го века весь претворился в науку. В этом легко убедиться, если рассмотреть, каким образом психология сделалась физиологической.

Многие убеждены, что физиологический метод, физиологическое об'яснение душевных явлений есть дело очень недавнего времени, что это есть метод, который мог возникнуть только благодаря успехам новейшей науки.

В другом месте [1]) я показал, что психология всегда была физиологической. Я не стану рассматривать отдаленных предков, а ограничусь только ближайшими предками современной психологии.

Уже в XVII-ом веке философы-метафизики Декарт, Спиноза, Малебранш рассматривали психические явления непременно в связи с физиологическими явлениями. Возьмите в руки книгу Декарта „О страстях" и вы увидите, что его физиологическое об'яснение страстей по детальности очень мало уступает об'яснениям современных психофизио-

[1]) См. „Психология или рефлексология?" Стр. 43 и след.

логов. Учение Спинозы об аффектах, написанное в 1662 году, настолько хорошо обосновано физиологически, что в 1840 году знаменитый немецкий физиолог Иоганнес Мюллер в свой „Учебник физиологии" целиком внес учение Спинозы об аффектах, заметив при этом, что лучше Спинозы никто об этом сказать не мог. Таким образом, психология Декарта, Спинозы, Малебранша была физиологической. Но их психология была тейснейшим образом связана с их религиозной философией, которая вызвала сильнейшее противодействие со стороны философов, получивших название „материалистов".

Решающее значение для судеб научной психологии XVIII-го века имело учение двух мыслителей—именно Декарта и Кондильяка.

Учение Декарта вкратце может быть изложено следующим образом. Декарт был спиритуалист. Он признавал существование души, как духовной субстанции, абсолютно отличной от тела. Душа—источник разумности, имеется у человека. У животных же нет разумной души. Все действия их можно об'яснить из механизма телесных процессов. Животные суть автоматы. У них нет душевной жизни. Они, напр., кричат, но при этом совсем не испытывают страдания. Животные суть машины [1]).

Учение Декарта нашло себе противников в лице материалистов и сенсуалистов (Кондильяка и его последователей).

Я позволю себе предложить изложение взглядов тех философов, учение которых возникло на почве противодействия спиритуализму Декарта. Здесь прежде всего мы остановимся на взглядах Ламеттри.

Его можно назвать enfant terrible материализма. Своими крайними взглядами он внушал ужас своим современникам. Однако в своем построении материалистической системы он не доходил до тех крайностей, до которых доходили материалисты XIX-го века (Молешотт, Бюхнер и др.).

Его самое значительное сочинение озаглавлено „Человек-машина" и обыкновенно понимается совершенно неправильно. Именно, думают, что по Ламеттри человек есть машина, действия которой совершенно лишены какого бы то ни было

[1]) См. „Психология или рефлексология?" Стр. 47—8.

сознания. Кажется, что Ламеттри отрицает реальность сознания. На самом деле он этого не делал.

Содержание его сочинения „Человек-машина“ сводится к следующему:

Все человеческие действия могут быть об'яснены чисто механически, из материальных причин, без допущения каких бы то ни было нематериальных агентов. Это не значило, что Ламеттри отрицал существование явлений сознания:, или чтобы он признавал их только материальными. Напротив, он даже явственным образом признавал их отличие от материальных явлений.

1) Он признавал внутренний опыт.

2) Признавал очевидность внутреннего опыта.

3) Признавал реальность души, но только он ее в отличие от спиритуалистов признавал материальным агентом.

Одним словом, он был только озабочен тем, чтобы не была допущена реальность „духовной души“ (âme spirituelle), а материальную душу он признавал.

Если читатель прочтет нижеприводимые места из сочинений Ламеттри, то он увидит, что Ламеттри признавал и реальность сознания и внутренний опыт и очевидность внутреннего опыта.

Ламеттри написал книгу в защиту наличности сознания у животных против последователей Декарта. Книга называется: „Животные суть больше, чем машины“. В ней Ламеттри пишет: „Те, которые хотят, чтобы животные совсем не имели души, делают это из опасения, что человек тогда должен был бы сопричислить себя к их классу... Внутренние чувства имеются у животных так же, как и внешние. След. подобно нам, они одарены всеми душевными способностями, т. е. восприятием, памятью, воображением, суждением, рассуждением... Совершенная аналогия, которая имеется между нами и ими—это внутреннее сознание, которое они имеют о их собственных ощущениях“ [1]).

О последователях Декарта он говорит следующее: „Чтобы выйти из непреодолимых затруднений, они бросились в лабиринт, из которого думали найти выход посредством нелепой теории, что „животные простые машины“. Это мне-

[1]) См. Les animaux plus que machines. 1783. Стр. 7.

ние настолько смехотворно, что философы всегда допускали его только как шутку или философское развлечение. Вот почему мы не будем останавливаться на его опровержении. Опыт доказывает нам существование одинаковой способности чувствовать как у животных, так и у людей. В самом деле, не сомневаясь в том, что я чувствую [1]), я не имею иных доказательств чувств других людей—кроме тех знаков, которые они мне подают" [2]).

Что такое душа по Ламеттри, можно ли употреблять слово душа?

„Только путем исследования a posteriori, т. е. пытаясь найти душу как бы внутри органов тела, можно достигнуть в этой области максимальной степени вероятности" [3]).

„Душа—это лишенный содержания термин, за которым не кроется никакого определеного представления и которым ум может пользоваться лишь для обозначения той части нашего организма, которая мыслит" [4]). „Но существует еще одна более тонкая замечательная сила, одушевляющая все другие: она является источником всех наших чувств, всех наших наслаждений, страстей и мыслей. Я имею в виду то возбуждающее импульсивное начало, которое Гиппократ называет Enormon. Это начало существует и находится в мозгу, у корня нервов, при помощи которых оно проявляет свою власть над всем остальным телом" [5]).

Из приведенных только что мест совершенно ясно вытекает, что Ламеттри признавал наличность души, которая является источником душевных явлений.

В таком случае нужно допустить, что эта материальная душа или часть мозга обладает способностью мыслить. Но как же можно было бы понять, что материальная душа мыслит? Это можно понять только в том случае, если допустить, что материя мыслит. Это допущение Ламеттри как раз и делает. Он именно утверждает, что мышление есть свойство материи. На возможное указание, что

---

[1]) (Курсив мой).

[2]) См. Ламеттри. Собрание сочинений, стр. 54.

[3]) Там же, стр. 182.

[4]) Стр. 213.

[5]) Стр. 216.

непонятно, как мышление может быть связано с материей, он заявляет, что очень многое может быть непонятно и необ'яснимо. Но если что-нибудь необ'яснимо, то из этого не следует, что оно не должно быть признаваемо. В „Трактате о душе“ [1]) он по этому поводу говорит: „Лучше ли мы понимаем, каким образом протяженность вытекает из сущности материи?“

Для окончательной характеристики взглядов Ламеттри следует заметить, что Ламеттри был сенсуалист в том смысле, что в познании действительности он рекомендовал пользоваться только опытом и наблюдением. Так как опыт и наблюдение не дают никаких указаний относительно духовной субстанции, то взгляды Декарта можно было считать опровергнутыми. Психические явления были признаны всецело зависящими от материальных явлений.

Дальнейшую критику учения Декарта взял на себя сенсуалист Кондильяк. Он своим сенсуалистическим учением способствовал развитию материализма. В самом деле, по господствовавшему в то время спиритуализму—у человека была душа, которая до рождения уже обладала разными врожденными идеями. Нужно было доказать, что все наши познания получаются из чувственного опыта. Кондильяк возникновение познаний об'ясняет при помощи образа статуи, у которой постепенно открываются органы чувств и благодаря этим последним вырастают все душевные способности.

Таким образом доказывается, что в человеческом существе ничего нет небесного, все только земное.

Чрезвычайно важное значение для судьбы физиологической психологии имели взгляды швейцарского ученого Боннэ. Он первый в XVIII веке сформулировал понятие психологического эксперимента; он дал систематическое изложение психологии на физиологической основе и обосновал тот взгляд, что изучение органа душевной жизни очень важно для познания самой душевной жизни. О душе, взятой самой по себе, мы знаем очень мало. О ней мы можем узнать многое, если изучим деятельность нервов. „Идеи, говорит он, связаны с известными нер-

[1]) Стр. 85.

вами. Мы можем изучить их движения (потому что мы их видим) результаты их движений—и связи их между собою". Репродукция, по его мнению, зависит от связи между различными видами нервов. „Гармония есть известная комбинация движений нервов". Для моральных идей существуют особые фибры. Привычку он об'ясняет след. образом: Если нервные волокна А В С один раз были приведены в состояние возбуждения какими-либо предметами, то они приобретают тенденцию взаимно друг друга возбуждать. Для высших умственных процессов имеется соответствующий коррелат. Между фибрами рассудка, по его мнению, существуют отношения аналогичные тем отношениям, которые существуют между фибрами чувств [1]).

Из приведенных мест читатель может видеть, что Боннэ давал физиологическое об'яснение психических процессов очень близкое к тому об'яснению, которое дают современные физиологи.

Мне остается еще упомянуть о Дидро, который принимал гипотезу атомов ощущающих, снабженных стремлением, отвращением, памятью и умом и который в следующих трех афоризмах выразил всю философию XVIII-го века:

1) Природа не есть бог.

2) Человек не есть машина.

3) Гипотеза не есть факт [2]).

По его мнению, сознание изначала присуще материи, оно невыводимо из материи. Другими словами, он является материалистом того типа, который носит название гилозоизма.

Таким образом мы подходим вплотную к эпохе революции, и я должен отметить, что философскую мысль этого времени интересовали две проблемы:

1) Проблема зависимости душевных явлений от материальных.

2) Проблема происхождения знания, которое ученые того времени назвали „учением об анализе ощущений".

Но что принесла с собою революция для психологии?

---

[1]) См. Его „Essai analytique sur les facultés de l'âme 1769.

[2]) Diderot De l'interprétation de la nature (предисловие). Oeuvres complètes de Diderot. Vol II.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ

До революции мысль была несвободна. Угнетало ее, главным образом, духовенство. Известно, что даже власть короля отступала перед силой духовенства. Ламеттри за свою книгу „Человек-машина“ должен был бежать в свободную Голландию, а оттуда ко двору прусского короля, спасаясь от преследования духовенства. С революцией, с освобождением личности, не было надобности считаться со взглядами духовенства. Можно было устранить понятие сверхчувственного, трансцендентного. Теперь мысль становится к религиозной философии нейтральной или относится к ней отрицательно.

Положения религиозной философии суть гипотезы, а гипотезы не суть факты. Теперь философия считается только с тем, что есть факт. Сверхчувственное не есть факт, а потому оно не может быть предметом научного знания. Философия стала позитивной.

Духу позитивизма способствовали расцвет математики и естествознания (Эйлер, Лагранж, Гравезанд, Даламбер, Мопертюи, Бюффон, Галлер, Жюссье, Линней). Развитие естествознания давало философии сильный уклон в сторону позитивизма.

Дух позивитизма внешнее выражение получил в учреждении Конвентом „Национального Института“ (Institut National). В этом институте науки физикоматематические должны были разрабатываться в связи с науками гуманитарными. В нем был отдел наук моральных и политических. (Classes des sciences morales et politiques). Учреждая этот институт, Конвент выражал надежду, что „за метафизикой темной и непонятной воспоследует философия, основанная на опытном познании человека“. Надежды Конвента оправдались. За 8 лет революции возникла физиологическая психология, которая устранила все понятия о трансцендентном. Другими словами, психология стала позитивной. Основателями такой психологии являются след. ученые: Кабанис, Дестют де Траси, Мэн де Биран, Пинэль, Бишa и очень многие другие.

Кабанис (1757—1808) по профессии врач, был в близких сношениях с самыми замечательными мыслителями своего времени: Гольбахом, Кондильяком, Дидро, Даламбером, Кондорсе, Лапласом, от которых и усвоил позитивный дух

своего времени. В молодые годы он перевел и комментировал сочинения греческих врачей Гиппократа и Галена. Изучение этих последних побудило его тесно связать философию с медициной и тщательно изучить отношение между душевными и телесными явлениями.

Свой позивитизм Кабанис выразил в следующих словах: „Если дозволительно физику заниматься исключительно фактами и законами природы, не занимаясь ее внутренней сущностью, то должно быть дозволено физиологу или психологу заниматься исключительно фактами и законами человеческой природы и отказываться, если дело идет о самой сущности человека“ [1]).

О необходимости физиологического изучения психических явлений он говорит следующее: „Боннэ показал самым точным образом тесную связь между изучением устройства органов и изучением благородных отправлений, производимых ими“.

„Весьма легко заметить связь между развитием философских и нравственных наук и развитием физиологии или науки о физической природе человека“ [2]).

„ В распределении различных отраслей наук Институт поставил весьма основательно рядом одни с другими и соединил в один отдел те, которые имеют своим предметом исключительно философию и нравственность. Но не трудно заметить, что изучение физической природы человека служит общим основанием для обоих и что оно должно составлять для них общую точку отправления, чтобы снова не воздвигать их на шатких основах, противоречащих неизменным законам природы. Национальный Институт, повидимому, вознамерился осветить в некотором смысле эту истину призванием физиологов в отделение философских наук, и самый выбор ваш указывает им путь, по которому должны быть направлены их усилия. Физиология, философия и нравственность составляют

---

[1]) Его сочинение „Rapports du physique et du Moral“. I–II, русск. пер. „Отношения между физическою и нравственною природою человека“. I–II. 1895.

[2]) Русск. пер. I. 93.

три ветви одной и той же науки, которая по всей справедливости может быть названа наукою о человеке" [1]).

В 1802 году он выпустил указанное двухтомное сочинение: „Об отношении между физическими и душевными явлениями", плод его многолетних медико-психологических наблюдений. В этом сочинении он подверг детальному рассмотрению влияние физиологических процессов на душевную жизнь, на что указывают след. заглавия главных отделов указ. сочинения: „Физиологическая история ощущений", „Влияние возраста и пола на душевную жизнь", „Влияние болезней, образа жизни и климата", „Учение о характерах и темпераментах", изложенное с физиологической точки зрения.

Актуальное значение имеет его взгляд на роль внутренних органов для душевной жизни. Это учение формулируется у него след. образом: „Замечено, говорит он, что известное состояние внутренних органов, а именно—внутренностей, заключенных в нижней части живота, значительно изменяет наши способности ощущать и мыслить. Образующиеся в нас болезни нарушают, возмущают, а иногда и совершенно извращают нормальный порядок в наших чувствах и понятиях. В нас развивается чрезмерный и уродливый аппетит; неведомые образы осаждают наше сознание, небывалые желания овладевают нашей волею, и что всего, быть может, замечательнее, что в таком состоянии наш дух может приобрести более возвышенности, энергии, блеска, а душа волноваться более глубокими и лучше направленными чувствами. Таким образом, светлые или мрачные представления, чувства сладостные или печальные непосредственно зависят тогда от способа соответствующих им отправлений брюшных внутренностей" [2]).

Здесь Кабанис совершенно ясно отыскал физиологическую основу эмоции, то, что в наше время сделано Джэмсом и Ланге, и вообще обратил внимание на роль органических ощущений для психической жизни.

Ближайшим сотрудником и единомышленником Кабанис

---

[1]) Ук. соч., стр. 72.

[2]) Ук. соч. I, стр. 137.

ниса по Институту был Дестют де-Траси (1754—1836), автор четырехтомного сочинения „L'idéologie", вышедшего впервые в 1801 году. На его философское направление оказало влияние то обстоятельство, что он изучал энциклопидестов, изучал математические и физические. науки—взявши за руководство Бюффона и Лавуазье.

Под влиянием Локка и Кондильяка он стал изучать вопрос о происхождении знания под именем „анализа ощущений" и написал вышеуказанную книгу. Книга эта в значительной своей части есть не что иное, как психология мышления, написанная по интроспективному методу.

По своему философскому направлению де-Траси был позитивист. „Метафизика, по его определению, есть совокупность рассуждений относительно начала и природы сущностей—и не входит в науку о мысли". Термин идеология—наука об идеях, о феноменах мысли и об их законах—вместо „психологии" введен потому, что психология как будто бы поставляет своей целью изучение души как некоторой сущности, чего де-Траси, как позитивист, разумеется, никак допустить не мог и поэтому он предложил понятие идеологии.

Книга его начинается заявлением, что идеология есть часть зоологии, потому что наука о живых существах только тогда будет полна, когда будет изучена рассудочная деятельность. Мы сказали бы в настоящее время, что психология есть биологическая наука.

Идеолог должен изучать не только идеи, взятые сами по себе, но и органы, которые их вырабатывают. Идеология в этом смысле неотделима от физиологии.

„Но идеология делится на физиологическую и рациональную: первая очень любопытна и требует очень обширных познаний, но при настоящем состоянии наших знаний не может обещать иных результатов от своих наибольших усилий, как только лишь разрушения многих ошибок и установления некоторых драгоценных истин, но еще очень мало связанных друг с другом; вторая—идеология рациональная, требующая меньше естествознания—представляющая меньше трудностей, но обладающая фактами достаточными, связанными и образующими цельную систему".

Он предоставляет изучение физиологических причин тем, кто способен проникнуть в глубь этих тайн, сам он ограничивался идеологией рациональной.

Ограничившись однако рациональной идеологией, он не отказывается от физиологических об'яснений. Он делает попытки дать физиологическое об'яснение памяти, восприятия. В своих выводах он опирается на наблюдения над дикарями, над детьми, над животными, принимая все меры к тому, чтобы ни одно из его об'яснений не находилось в противоречии с положительными данными, которые доставляют тщательное наблюдение наших органов и их функций [1]).

Третьим выдающимся психологом эпохи революции следует считать Мен де Бирана (1766—1824).

Институт задал след. тему на премию: „Определить, какое влияние оказывают привычки на способность мышления"; другими словами, показать действие, которое производит на каждое из наших интеллектуальных способностей—частое повторение одних и тех же действий. На эту тему предложил свое сочинение Мэн де Биран [2]) под заглавием: „Sur l'habitude"." Эпиграфом для своего сочинения он избрал след. фразу из Боннэ: „Что представляют собою все действия души, как не движения и не повторения движений?"

С самого начала своего мемуара Биран об'являет, что по примеру идеологов (Кабаниса, де Траси и др.), которых он называет своими учителями, он будет применять к науке о человеке метод физических наук, т. е. будет держаться наблюдения фактов и будет пренебрегать исследование конечных причин, как находящихся вне сферы познания.

Это означало, что он одобряет употребление бэконовского метода в науках гуманитарных. Эти факты он будет изучать не только в них самих, но в их отношении с органами. К наблюдению психологическому он присоединяет наблюдение физиологическое.

Очень важное место принадлежит психиатру Пинэлю (1745-1826). Он является создателем патологической психо-

---

[1]) См. его „Idéologie", т. I.

[2]) См. Oeuvres philosophiques de Maine de Biran. 1841, т. I.

логии и энергичным проводником мысли о необходимости ввести медицину в философию. Ему принадлежат след. сочинения: „Медико-философский трактат о душевной болезни“ (1791). „Философская нозография или метод анализа, примененный к медицине“ (1798). Де Траси отзывается о нем след. образом: „Только философы физиологи вроде Пинэля подвинут вперед идеологию“.

Знаменитый физиолог Биша (1771-1802) имеет отношение к психологии постольку, поскольку он высказал взгляды относительно жизни, чувствительности, сократимости. Жизнь разделяется на два вида: 1) органическая жизнь, 2) животная жизнь. Первая является общей для мира растительного и для мира животного, а вторая присуща только этому последнему.

„Характер, говорит он, это, если можно так выразиться, физиономия страстей,—темперамент—это физиономия внутренних функций; а так как и те и другие всегда остаются одними и теми же, имея направление, не изменяемое привычкой и практикой, то темперамент и характер должны быть из'яты из действия воспитания. Страсти являются продуктом деятельности всех внутренних органов, или, по крайней мере, они имеют там свое местопребывание“ [1]). Эту физиологически обоснованную мысль о неизменяемости характера впоследствии использовал, как известно, Шопенгауэр.

Я останавливаюсь на 1802 годе. К этому моменту революция (за 8 лет лет) совершила колоссальную работу и успела сказать „свое слово“ в психологии, отбросила какие бы то ни было метафизические гипотезы, другими словами, сделалась научной.

Она не только подвела итоги философской работе всего XVIII-го века, но действительно подвела научный фундамент под здание психологии.

Свое слово, которое произнесла французская революция в области психологии, было так значительно, что заполнило собою весь XIX век и было произнесено так громко, что продолжает еще звучать и в наши дни.

---

[1]) Bichat. Recherches physiologiques sur la vie et la mort. изд. 1844 г., стр. 107.

Если мы рассмотрим, как отразилась работа французских психологов на современной психологии, то увидим, что современная научная психология есть целиком порождение психологии эпохи Великой Французской революции.

К концу XVIII века мы имеем уже все виды т. наз. об'ективной психологии. Психология делается этнической у Дежерандо. Сикар и Дежерандо наблюдают глухонемых. Дежерандо утверждает необходимость изучения слепых (психология дефективных). Он же кладет начало психологии ребенка. Леруа и Дюпон де Немур разрабатывают психологию животных и наконец, психологию душевно-больных разработал Пинэль [1]).

Как легко видеть, к началу XIX-го века идея научной психологии, как энциклопедической науки, уже окончательно сформировалась.

Остановимся на рассмотрении философского обоснования этой психологии. Каково было отношение этой психологии к материализму?

Кабанис был дуалист в том смысле, что признавал различие между явлениями материальными и духовными. На это прямо указывает самое заглавие: „Отношение между физическими и душевными явлениями“. Если бы он совершенно отрицал реальность явлений психических, тогда он просто о них не говорил бы. Очевидно, для него это два явления, между которыми нужно было установить отношение. Между прочим самое словоупотребление Кабаниса чрезвычайно любопытно. Для обозначения психических явлений или явлений сознания он употреблял, кроме термина моральный еще термин „идеологический“ [2]). Этот термин как раз в этом смысле употребил в 59 году Маркс, (идеологические формы) [3]). Кабанис не мог не быть дуалистом, так как его материализм был гилозоистическим. Для него материя была только одушевленная, атомы обладали родом воли.

„Между веществами, одаренными взаимною химическою деятельностию, притяжение совершается уже не столь слу-

---

[1]) См. Picavet. Les idéologues 1891.

[2]) См. напр. „Rapports du physique et du moral. изд. 1855. II, стр. 274.

[3]) См. „Психология и марксизм“.

чайно: частицы материи отыскивают друг друга, сближаются и смешиваются не с одинаковой готовностью... В этом случае притяжение является не слепою силою, безразличною к вызываемому ею стремлению: в нем начинается проявляться род воли, оно делает выбор; вот почему, с точки зрения этих особенных явлений, оно названо знаменитым естествоиспытателем химическим сродством“ [1]).

На феноменологическую двойственность Кабаниса указывает также и то обстоятельство, что Кабанис посвящает отдельную главу о влиянии психического на физическое. Правда, он все же влияние мысли на органическую деятельность об'ясняет как действие одних центров на другие, но тем не менее ясно, что для него психическое не тоже самое, что физическое.

Что сказать о философской системе Кабаниса? Его всегда считали материалистом. Ему принадлежит утверждение, что мысль есть выделение мозга. Но это утверждение, которое обыкновенно понималось в том смысле, что мозг есть железа, неправильно истолковывалось. Он, разумеется, не думал, что мысль есть материальное выделение, как ему приписывают те, которые сами понимают мысль, как материальное выделение. На самом деле это утверждение нужно понимать таким образом, что без мозга не может быть мышления. Он доказывает это тем, что приводит примеры того, что разрушение мозговой деятельности влечет за собою нарушение умственной деятельности. Целость мозга, по неоднократному заявлению Кабаниса, есть необходимое условие мысли. Это значит, что он признавал мозг органом мысли, другими словами, что он в указанной фразе выражал только функциональное отношение между мозговой деятельностью и мыслью [2]).

Важно отметить, что как философ он был позитивист. „Условия, сопровождающие образование организации, покрыты для нас густым покровом: вероятно, нам никогда не удастся проникнуть в них. Мы даже имеем полное право быть уверенными, что для человека не может быть действительной необходимости выйти за пределы, пред-

---

[1]) Русск. пер. II. 254.

[2]) Русск. пер. II. 166.

писанные его способностям... несомненное значение имеет только то, что доступно его чувствам и разуму" [1]).

Теперь мы можем точно установить все признаки материализма XVIII-го века. Что значило быть материалистом?

Для этого нужно было:

1) Отрицать бессмертную душу, отдельную от тела.

2) Нужно было признать, что все душевные явления обусловливаются материальными явлениями, что нет ни одного психического процесса, который совершался бы без обусловливающего его материального.

3) Между психическими явлениями и физическими имеется функциональное отношение.

Реальность психического не отрицается, так как психическое считается изначальным свойством материи.

Очевидно, здесь **материализм вполне отождествляется с позитивизмом.** Этот вид материализма, признающий одушевленность материи, как мы видели, называется гилозоизмом и в XIX веке переходит в спинозизм.

Связь между гилозоизмом и спинозизмом заключается в следующем: спинозизм есть более совершенная форма гилозоизма.

В XVIII веке признание одушевленности материи чаще приводили в связь с Лейбницем, чем со Спинозой. Но одушевленность материи обща Спинозе и Лейбницу, так как, по признанию Спинозы, все вещи, хотя в различных степенях, одушевлены" [2]). В XIX веке позитивизм прямо примкнул к спинозизму, выбросив из него всякий трансцендентный момент. Фейербах в Германии, Льюис, Спенсер, Бэн в Англии, Тэн и Рибо во Франции были спинозисты.

Таким образом в XIX веке материализм принял форму спинозизма.

Что дошло к нам из материализма и сенсуализма XVIII-го века? Научная мысль отбросила все небесное и очень тесно примкнула ко всему земному,—а это и есть материализм.

---

[1]) Там же.

[2]) Этика. Ч. 2-я. Предл. XIII: Schol. „omnia quamvis diversis gradibus animata sunt".

Научная мысль становилась позитивной. Материалисты тем самым, что они были материалисты—уже делались позитивистами. Эти два понятия становились эквивалентными. В самом деле, сущность позитивизма заключалась в устранении сверхчувственного и трансцендентного. К тому же, как мы видели, стремился и материализм.

Рассмотрим теперь судьбу психологии в Европе после 1802 года.

Ламарк был известен также как психолог. Он не отделял ее от физиологии. В этом смысле он дополнил Кабаниса, а также следует сказать, что он положил начало изучению сравнительной психологии [1]).

Врач Галль оказал большое влияние на дальнейшее развитие психологии своей френологией. Это учение давало возможность по внешним очертаниям черепа определять наличность тех или иных душевных способностей

Брусс э считал своим долгом защищать философию, находящуюся в связи с науками и в особенности с медициной, на которую нападала теологическая школа. Он привил врачам вкус к психологическим исследованиям и приготовил публику к восприятию физиологической психологии [2]).

Психология к 20-ым годам прошлого столетия становится биологической, стремится стать и чисто об'ективной. В это время возникает тенденция устранить психологию и заменить ее физиологией.

Современные сторонники об'ективного метода в психологии могли бы справлять столетний юбилей об'ективизма в психологии, так как в 20-х годах прошлого столетия О. Конт отверг суб'ективный метод психологии, считая его остатком теологического периода в истории человечества. В системе наук он совсем устранил психологию и рекомендовал заменить ее об'ективным изучением строения мозга по примеру Галля [3]). Огюст Конт был основателем позитивизма и его позитивная философия, как и вся психология эпохи Французской революции была сочувственно встречена в Англии.

---

[1]). Его сочинение: Philosophie Zoologique.

[2]) Его сочинения: Traité de l'irritation et de la folie. О нем см. Picavet. 450—2.

[3]) См. „Психология или рефлексология?“ Стр. 51—2.

Психология Кабаниса, Дестют де Траси и друг. деятелей эпохи революции была перенесена в Англию Томасом Броуном и Дж. Ст. Миллем и была усвоена Льюисом, Гербертом Спенсером, Бэном и др. Они приняли позитивизм О. Конта, но не согласились с ним в том, что суб'ективный метод психологии должен быть отброшен. Согласились с ним в том, что должно ввести об'ективное изучение ребенка, животных, душевно-больных. Но так как понимание душевной жизни их может быть понятно через суб'ективное переживание, то получилось расширенное понимание суб'ективного метода [1]) Эта психология из Англии перешла во Францию благодаря Тэну и Рибо, а затем распространилась по всем странам, в том числе и в России [2]).

Современная научная психология есть детище психологии эпохи Французской революции. Психология позитивна, эмпирична, материалистична.

Материализм современной психологии заключается в признании зависимости душевных явлений от материальных и эта мысль идет от материалистов XVIII-го века. Это есть спинозизм, психофизический параллелизм. Это есть тот материализм, к которому примкнул и Маркс [3]).

В доказательство того, что на научный материализм всегда так смотрели, как я здесь излагаю, я приведу отзыв Эд. Гартманна- „Нужно считать заслугой материализма, что он настолько резко подчеркнул зависимость сознательного духа от материальных условий, что на будущее время никакая философия не может этого игнорировать, если только она хочет оставаться на высоте современной науки“ [4]).

От этого материализма решительно отличается т. н. вульгарный материализм (Молешотта, Бюхнера и др.). Характерная особенность его заключается в том, что

---

[1]) См. „Психология или рефлексология?“. Стр. 52—3.

[2]) О моем отношении к этому вопросу см. „Общие результаты психометрических исследований и их значение для психологии“ (от 1888 г.) Сборник статей. 1912.

[3]) См. мою „Психология и Марксизм“.

[4]) Geschichte d. Metaphysik. 1900. II. 471. Ср. с этим Baldwin. History of Psychology. 1913. II. 16.

он отрицает реальность сознания, чего не делали материалисты XVIII-го века.

Психология в эпоху Великой Французской революции сделалась физиологической, потому что в этом заключались итоги научной мысли XVIII-го века. Физиологизм служил оппозицией религиозной метафизике XVIII-го века. Чтобы понять задачу психологии текущего XX-го века, мы должны подвести итоги научной мысли XIX-го века.

Что нового в психологии выдвинул XIX-й век? По моему мнению, идею коллективной психологии. Было понято, что природа человека может быть полностью изучена только в социальной жизни.

С того момента, как будет осознано, что именно социальная психология есть „свое слово" XX-го века, тотчас кризис в психологии разрешится. Для нас сделается ясным, что нужно делать и чего не нужно делать. Не нужно заботиться о введении физиологизма в психологию, ибо это уже превосходно сделали больше, чем за 100 лет до нас, психологи эпохи Французской революции.

Нужно организовать в широком масштабе изучение коллективной психологии.

ГЛАВА III.

Суб'ективна ли т.-н. интроспективная психология? (ответ Бехтереву) [1].

Когда нужно характеризовать современную научную психологию, то обыкновенно те ученые, которые относятся к ней враждебно (Бехтерев, Корнилов), считают нужным обозначать ее суб'ективной в противоположность своей психологии, которую они называют об'ективной.

Вследствие двусмысленности, которая содержится в понятии суб'ективный, вопрос об отношении психологии к рефлексологии чрезвычайно запутывается при применении термина „суб'ективный" к интроспективной психологии.

Слово „суб'ективный" имеет два смысла. Оно может относиться к: 1) высказываниям, взглядам, суждениям, оценкам и т. п. 2) к душевным переживаниям.

„Суб'ективный" взгляд—это лично кому-либо принадлежащий, необоснованный, вследствие этого не общеобязательный. Согласно второму значению—в применении к душевным переживаниям—всякое душевное переживание суб'ективно, т.-е. это значит, оно существует только в суб'ективном опыте и может быть познаваемо только в суб'ективном опыте.

В научном познании я должен избегать суб'ективных взглядов, но суб'ективного познания моего собственного душевного переживания я избежать не могу, потому что для душевных переживаний есть только такой вид познания.

На это мне могут заметить: „так значит же Бехтерев прав, когда вашу психологию называет суб'ективной?" Нет, не прав, потому что читатель может подумать что в

[1]) По поводу его книжки: „Психология, рефлексология и марксизм". 1925 г.

психологии речь идет о совершено необоснованном субъективном познании. Между тем психология принимает все меры к тому, чтобы познание субъективных переживаний приобретало, по возможности, объективный характер, а это может быть сделано посредством изучения таких же переживаний на других индивидуумах.

Но Бехтерев относится решительно отрицательно именно к познанию чужой душевной жизни, ссылаясь на Введенского, Липпса и других, как он их называет, „солипсистов".

Я на аргументации солипсистов останавливаться не стану, потому что и Введенский, сомневавшийся в доказуемости наличности чужой душевной жизни, построил субъективную психологию и Бехтерев, который нападает на субъективную психологию, пользуется субъективными психологическими понятиями в особенности в „Коллективной рефлексологии".

Для того, чтобы придать своим положениям характер общеобязательности, интроспективная психология всегда прибегала к объективным приемам изучения душевной жизни, т.-е. изучала душевную жизнь животных, душевнобольных, детей, именно, по их объективному поведению заключала о наличности у них тех или иных душевных переживаний.

Но изучая, напр., душевную жизнь ребенка, можем ли мы сказать, что мы применяем субъективный метод? Ведь ребенок не может давать показаний самонаблюдения. Несмотря на то, что поведение ребенка, как и взрослого, изучается при помощи объективных приемов, мы всегда к тому или другому виду поведения примышляем те или другие душевные переживания. Раз мы это делаем, то мы прибегаем к субъективному приему познания. Только в этом смысле интроспективная психология может быть названа субъективной, но не следует забывать, что так как она всеми мерами старалась сделать свои утверждения точными, то прибегала к объективным приемам изучения. В этом смысле интроспективная психология столько же объективна, сколько и субъективна. Объективна по приему изучения и субъективна по источнику познания душевных явлений.

Относительно рефлексологии Бехтерева в той ее части, в которой она претендует на замену психологии, нужно

сказать, что она столько же суб'ективна, сколько и об'ективна. Поэтому мне кажется, что уже пора перестать противопоставлять рефлексологию, как строго об'ективную дисциплину, психологии как чисто суб'ективной. Следует, как я уже раньше предлагал, [1]) противопоставлять не суб'ективный метод об'ективному, а интроспективный метод рефлексологическому.

Свой строго об'ективный метод Бехтерев считает новым и утверждает, что американцы в применении об'ективного метода пошли за ним. В своем утверждении он опирается на П. Сорокина, который в статье о состоянии психологии в Америке выводил об'ективный метод американского бихэвиоризма из России. Это неверно. Сам И. П. Павлов не отрицает приоритета зоопсихологов 90-х годов в применении об'ективного метода. [2])

В начале 900-х годов идея об'ективного метода была широко распространена. В 1904 году вышла книга бельгийского физиолога Нюэля „О зрении", в которой он пишет „Поднимается реакция против психологизма в физиологии органов чувств и сигнальные знаки этой тенденции слышатся со всех сторон". „Мы надеемся показать, что можно об'яснить телесное об'ективное зрение без помощи какого бы то ни было психологического понятия". [3]) Возражая на эту книгу Нюэля в 1905 году, Клапаред приводил против об'ективной психологии такие же аргументы, какие принуждены приводить в настоящее время и мы.

О том, что современная об'ективная психология ведет свое начало от зоопсихологов 90-х годов, я говорю в книге „Об'ективная психология в России и в Америке". [4]) На это место Бехтерев почему то не счел нужным обратить внимание, но сослался на другое место в котором сказано, что бихэвиористическе движение началось в Америке в 1913 году. В 1913 году началось общее обсуждение во всей стране, а бихэвиоризм в Америке еще в 90-х годах существовал в

---

[1]) Об'ективная психология, стр. 6.

[2]) Двадцатилетний опыт, стр. 8.

[3]) Nuel. La vision. 1904, стр. 1-2

[4]) Стр. 53.

виде т. н. функциональной психологии. Об этом у меня сказано в той же книжке [1]).

История говорит, что настоящим творцом об'ективной психологии является О. Конт, который сто лет назад говорил о психологии то же самое, что Бехтерев говорит в настоящее время, в чем читатель легко может убедиться, если сравнит то, что говорил Конт, с тем, что говорит Бехтерев.

Вот что говорил Конт в 20-х годах прошлого столетия:

Показавши, что внутреннее наблюдение совсем неосуществимо, Конт говорит: „Подобный метод, если бы предположить, что он возможен, должен был бы до крайности суживать изучение душевной деятельности, ограничивая его по необходимости только человеком взрослым и здоровым, без какой-либо надежды разработать когда-либо такое трудное учение посредством сравнения различных возрастов или посредством рассмотрения различных патологических состояний... мы должны особенно поражаться абсолютным лишением возможности заниматься изучением душевной деятельности животных".

Вот что говорит Бехтерев сто лет спустя:

„В изучении же детской психики, а равно и психики душевно-больных опосредствованное наблюдение, по моему мнению, способно привести нас к большим погрешностям...

Что касается об'ективной психологии, как науки совершенно не претендующей на изучение суб'ективных переживаний и ограничивающей свою задачу изучением внешних нервно-психических реакций.. она может изучать эти соотношения как на взрослых людях, так и на детях и на животных, а равно и на душевно-больных" [2]).

Бехтерев заявляет, что вместе с рефлексологией начинается новая эра в психологии. Мы таких оптимистических надежд Бехтерева совершенно не разделяем, ибо рефлексология приложима к изучению только низших процессов, в изучении же высших душевных процессов она совершенно бессильна.

Чтобы читатель мог убедиться в полной бесплодности

---

[1]) Стр. 74.

[2]) Задачи и метод об'ективной психологии. 1909, стр. 7.

рефлексологического метода для изучения высших процессов, ему следует прочесть статью Бехтерева: „О творчестве с рефлексологической точки зрения“, помещенную в виде приложения к книге С. О. Грузенберга: „Гений и творчество“.

Пусть читатель, знакомый с вопросом о природе творчества из интроспективной психологии и могущий на языке научной психологии рассуждать о творчестве, напр, Тургенева или Достоевского, прочтет эту статью и спросит себя, прибавилось ли у него хоть что-нибудь к тому, что он раньше знал из интроспективной психологии?

Вот, например, определение „озарения“, которое дает Бехтерев: „Озарение есть не что иное, как мысль, возникшая путем сочетательной деятельности, т. е. путем ряда невыявленных внешним образом, часто даже неподотчетных рефлексов,—мысль, являющаяся и сама невыявленным до времени рефлексом и часто предшествующая достижению окончательной цели исследования“. (стр. 230) Узнал ли читатель, что такое озарение? Все другие определения в этом же роде.

Всякий непредубежденный читатель, после прочтения этой статьи, вынесет убеждение, что она скорее представляет собою пародию на научное об‘яснение, чем действительное научное об‘яснение процесса творчества.

Чтобы защитить об‘ективизм рефлексологии, Бехтерев, употребляя его собственное выражение, „укрывается за флагом марксизма“ [1]) и указывает на то, что „согласовать науку о психических процессах, как таковых, или суб‘ективную психологию с об‘ективным учением Маркса никак невозможно“ [2]).

Почему учение Маркса об‘ективно, этого Бехтерев не об‘ясняет, он ссылается на авторитет какого-то оратора на Ленинградском Психоневрологическом с‘езде. Мне кажется, что академику больше приличествовало бы ссылаться на самого Карла Маркса, чем на какого-то неведомого оратора.

Бехтерев без всяких доказательств постановил, что суб‘ективная психология не подходит к идеологии марксизма.

---

[1]) Бехтерев. Ук. соч., стр. 63.

[2]) 58.

К ней подходит только об'ективная рефлексология Бехтерева. Ему даже представляется, что мы, психологи-интроспективисты, делаем смешные усилия быть признанными во что бы то ни стало марксистами. Вот что по этому поводу он говорит: „Челпанов в новой своей брошюре утверждает, что эмпирическая, т. е. суб'ективная психология не противоречит, а, следовательно, может быть привлечена к марксизму“ [1]). Он „доказывает, что его эмпирическая психология и есть настоящая марксистская психология“. „Очевидно, в лагере суб'ективистов с марксизмом или вернее, новых марксистов от суб'ективной психологии что-то неладно“. „Теперь ведь нет психолога, который не хотел бы укрыться за флагом марксизма, чтобы удержать суб'ективистическую точку зрения“. „Иначе ведь и наша старая знакомка—„суб'ективная психология“, а от таковой в некоторой степени не отрешаются и вновь обращенные в марксизм психологи, тоже имеет склонность признавать себя точной наукой“. „Как легко нашей старой знакомке перекраситься в марксизм“. [2])

В последней фразе Бехтерев суммирует свой взгляд на наше—психологов-интроспективистов—отношение к марксизму. Оказывается, по его словам, что мы „перекрашиваемся“ в марксизм.

Интересно определить, какой логикой или этикой руководился Бехтерев, произнося подобный упрек, когда я, по его же собственным словам, книгу написал, чтобы доказать, что моя эмпирическая психология не противоречит марксизму. Из этой фразы с полной очевидностью следует, что я говорю о моей эмпирической психологии, что она, как она есть, без каких либо изменений не противоречит марксизму. В самом деле, при идеологии марксизма в моей эмпирической психологии абсолютно ничего менять не следует, потому что моя психология и психология Маркса исходят из одних и тех же философских предпосылок. И я, действительно, как я сейчас покажу, ничего не менял в своих взглядах на психологию и в смертном грехе перекрашивания совершенно неповинен.

---

[1]) Стр. 57.
[2]) Стр. 66.

Бехтерев думает, что если я утверждаю, что моя психология базируется на том же основании, что и психология Маркса, то значит, что я хочу, чтобы меня считали марксистом.

Облечем рассуждение Бехтерева в логическую форму:

Маркс—был сторонник психофизического параллелизма.

Психолог-интроспективист—сторонник психофизического параллелизма.

Следовательно, психолог-интроспективист есть марксист. В этом рассуждении имеется ошибка, в которой только ребенок не в состоянии разобраться.

Я позволю себе напомнить краткую историю вопроса об отношении психологии к рефлексологии, из которой читатель увидит, что аргумент Бехтерева о „перекрашивании" совершенно ложен.

Дело было так: В 1923 году рефлексологи-об'ективисты об'явили нам, что при новой материалистической идеологии нет места интроспективной психологии: ее должна заменить об'ективная рефлексология".

На это мы, психологи-интроспективисты, дали ответ, на котором настаиваем и в настоящее время:

„Если бы материализм Маркса был материализм вульгарный, то об'ективная рефлексология имела бы право на монопольное существование. Но так как материализм Маркса относится отрицательно к вульгарному материализму и представляет собою точку зрения психофизического параллелизма, то интроспективная психология имеет право на существование, и именно в том виде, в каком она до сих пор существовала, так как она тоже стоит на точке зрения психофизического параллелизма".

Из этого нашего ответа ясно следует, что мы ничего не предполагали менять в наших взглядах, мы считали себя вправе **продолжать нашу работу в прежнем виде и при новой идеологии.**

Выступая в 1924 году с своей книжкой „Психология и марксизм", я не предполагал делать двух вещей:

Во 1-х—менять свои взгляды.

Во 2-х—приобретать звание марксиста.

Это прекрасно известно многочисленным читателям 6 изданий моей книги: „Мозг и душа“, первое издание которой вышло в 1900 году.

В книжке „Психология и марксизм“ я подробно доказывал только то, что высказал уже в 1900 году. Там я доказывал, что **марксистский материализм ничего общего не имеет с вульгарным материализмом, а представляет собою вид спинозизма и что научная психология должна стоять на той же точке зрения психофизического параллелизма или что тоже спинозизма.** [1]) Эта мысль мною повторялась, начиная с 1900 года во всех 6-ти изданиях и такой мой взгляд, высказанный впервые в 1900 году, хорошо известен моим читателям. В книжке „Психология и марксизм“ я повторил то же самое для той публики, которая моей книги „Мозг и душа“ не читала.

Я думаю, что Бехтерев согласится со мною, что когда я в 1900 году обелял Маркса и настаивал на том, что он не был вульгарным материалистом, то делал это не потому, что домогался звания марксиста. Если я одно и то же утверждал при двух совершенно различных внешних обстоятельствах, то ясно, что свой взгляд на материализм Маркса я высказывал в 1900 году и в 1924 году совершенно об'ективно.

Так как я звания марксиста не домогался, то и не предполагаю отбивать у Бехтерева занятую им марксистскую позицию, доставшуюся ему путем очень сильных модификаций его прежних взглядов.

Так, например, в 1904 году он высказывался решительно против вульгарного материализма и признавал „душу“, как реальный фактор в жизненном процессе, а в 1925 году он решительно настаивает на вульгарно-материалистической точке зрения.

Вот что говорил Бехтерев в 1904 году:

„Кому же не ясно, что из материального нельзя вывести психического начала, как из огромного количества нулей нельзя создать единицы или какой-нибудь определенной

---

[1]) См. цитаты из книги „Мозг и душа“, в книжке „Психология и марксизм“. 2-е изд. в конце.

величины. Поэтому воззрение материалистов и не могло удержаться далее того периода увлечения, которое оно вызвало на первое время. Психическое резко отличается от физического. Сознание не может быть результатом материальных условий". „По этому (материалистическому) воззрению психическое составляет какой-то ненужный прибавок, или эпифеномен, который для развития явления не только не необходим, но и совершенно излишен. Но лишних вещей в природе, как известно, не существует, и потому воззрение это, низводящее душу до степени совершенно ненужной излишней вещи, противоречит самым основным нашим понятиям об окружающем мире". [1])

Вот что Бехтерев пишет в 1925 году:

„Отсюда следует, что рефлексологическое учение, будучи насквозь материалистическим учением, устраняющим в корне никому ненужный и в сущности недоступный для сторонней личности анализ сознания, переходящий обычно в идеализм, [2]) опирается взамен того на анализ внешних рефлексов". [3])

Извинясь за решительную перемену своей точки зрения, Бехтерев следующим образом оправдывается: „Сочинение „Психика и жизнь" было написано в ту эпоху, когда благодаря господству витализма, не рассеялось еще воззрение о душе, как субстанции, свойственной такому высшему существу, как человек, и когда в значительной мере господствовал даже в интеллигентской среде полный дуализм в смысле признания материи и духа". [4])

Оказывается, что „интеллигенция" виновата в том, что академик Бехтерев в 1904 году признавал „душу", как действующий фактор жизненного процесса. Как бы то ни было, Бехтерев в 1918 году сделал поворот в 180°: теперь он и знать не хочет того, что тогда утверждал.

Кто в этом действительно виноват, мы разбирать не станем. Факт тот, что Бехтерев нашел нужным резко изменить свои взгляды, или, употребляя его же терминологию, „перекрасился."

---

[1]) См. Бехтерев „Психика и жизнь", 1904. стр. 16, 35 и 37.

[2]) Это настоящий Енчменизм. Примеч. Г. Ч.

[3]) Психология, рефлексология и марксизм", стр. 65.

[4]) Там же, стр. 31.

Для чего такая перемена взглядов понадобилась Бехтереву?

Очевидно, для того, чтобы добиться звания марксиста.

Чтобы закрепить за собой такое звание, он обращается к протекции А. Залкинда и с большим удовлетворением отмечает, что Залкинд действительно признал его марксистом. Кроме того, он апеллирует к высокому авторитету Ленинградского Психо-неврологического с'езда 1924 года, который также признал его учение. [1])

Заручившись такими солидными рекомендациями, Бехтерев торжествующе спрашивает: „После всего сказанного да позволено будет спросить, нужно ли нам пересоздавать вновь нашу старую суб'ективную психологию, приспособляя ее к марксизму?“ [2])

Разумеется не нужно, раз у нас есть рефлексология Бехтерева!

Только напрасно Бехтерев обольщает себя надеждой, что его марксистская позиция прочна, напрасно он положился на авторитет Залкинда!

Я думаю, что недалеко время, когда настоящие марксисты (не Корнилов, Залкинд и Франкфурт), раз'яснят окончательно отношение рефлексологии к марксизму, тогда Бехтереву придется пожалеть, что после 18-го года он круто повернул на сторону вульгарного материализма, что психорефлексологию переменил на рефлексологию. Ему придется подумать о том, чтобы вернуться к психорефлексологии, другими словами, еще раз „перекрасься.“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

[1]) Стр. 62.

[2]) Стр. 64.